

Досадное недоразумение

Началась вся история совсем невинно: меня почему-то не допустили к экзамену по физике. Учился я тогда на 5-м курсе мехмата Московского университета и в январе 1983-го года сдавал последнюю экзаменационную сессию. Эта сессия состояла всего из двух экзаменов: один из них можно было выбрать, а другой — та самая физика, к которой меня не допустили. Причина была неясна: в ведомости только было отмечено, что есть какая-то проблема, для решения которой я должен зайти к заместителю декана. “Очевидное недоразумение,” — подумал я и отправился в деканат. Но замдекана я там не застал: видимо, он ушёл, не дождавшись меня. Да и не мог он дождаться, ведь на экзамены я приходил через пару часов после начала, благо запустить сразу всех было всё равно невозможно. Оставшись одна, секретарша не усмотрела никаких причин не допускать меня к экзамену. Как и я, она сочла происшествие недоразумением, и экзамен я сдал. Мне и в голову не пришло, что это лишь первая встреча с преткновением, преодоление которого целиком займёт меня на полгода.

Спустя несколько дней мне объяснили в деканате, что к экзамену я был допущен по ошибке, а с замдекана всё же должен поговорить, в такое-то время. Когда я зашёл в кабинет, там меня ждал не один человек, а два, и кто из них замдекана, я не знал. Оказалось, ни один. Сначала они заперли дверь, а затем представились сотрудниками КГБ и предъявили документы, в которые я, впрочем, со страху вчитываться не стал.

На помощь, друг!

Начали они свой разговор со мной с каких-то странных тем, не дававших никакого представления о цели беседы, что позволяло мне втайне надеяться на случайность их выбора меня в собеседники. Прошло не менее четверти часа, пока я убедился в иллюзорности своих надежд. Оказалось, что гэбэшники вооружены некоторыми бумагами, о существовании которых я мог бы догадаться и сам: список задержанных при выходе из синагоги для выяснения личности, список присутствующих на домашнем собрании явно религиозного назначения — результат милицейского набега на кружок по иудаизму. Поскольку моё имя значилось в обоих списках, так втолковывали гэбэшники, я должен был осознавать последствия передачи этих документов в партком.

После этого содержание разговора стало повторяться по циклу, чем, впрочем, мои собеседники вовсе не были раздосадованы. Во-первых, моя религиозность противоречит членству в комсомоле. Почему они уверены в моей религиозности? Ну как же, из документов видно, какие места я посещаю, к тому же, у меня борода. Последняя, конечно, бывает и без религии, но ведь есть документы. И поэтому я должен понимать, что будет, если они попадут в комитет комсомола.

Но передавать кому-либо эти документы гэбэшники не торопились, а зачем, в таком случае, пришли, не объясняли. Вместо этого они предлагали организовать новые встречи.

Поскольку эта идея мне совсем не понравилась, я стал настаивать на объяснении их намерений. “Ваши друзья”, — в конце концов пошли мне навстречу гэбэшники, — “встали на скользкую дорожку: встречаются с иностранцами, принимают от них подарки. Вот и вы, благодаря им, оказались на такой встрече”. “А”, — попробовал догадаться я, — “Так мне следует впредь воздерживаться от подобных мероприятий?” “Нет-нет, что вы,” — поспешили гэбэшники исправить моё непонимание. “Наоборот! Вам следует бывать там почаще. Ну, и, конечно, быть в контакте с нами. Ведь вы должны помочь своим друзьям.” Тут, наконец, и до меня дошло, в какой именно помощи нуждаются мои друзья.

Разговор продолжался, наверно, целый час, и я уже начинал опаздывать к Субботе. Поэтому заканчивать его пришлось в спешке, тем более, что тема, по крайней мере для меня, была полностью исчерпана. Не собираюсь же я, действительно, помогать своим друзьям.

Медовый месяц

От последующих встреч с гэбэшниками я стал уклоняться, возможно, по малодушию, потому что не смог достаточно твёрдо отклонить предложение встретиться. Мы с Леной поженились за месяц до описываемых событий, а наши добрые знакомые Китросские как раз уехали на месяц в Ленинград и оставили нам свою квартиру для чего-то вроде медового месяца. В результате, настойчиво звонившие мне домой гэбэшники, ни разу на меня не наткнулись. Через несколько недель им это надоело, они просто сделали то, что обещали, и исчезли.

Врачу, исцелися сам

Тем временем пришла пора сдавать второй и последний экзамен этой сессии, да и всего курса обучения, если не считать Государственных экзаменов, у которых особый статус. Как я уже упоминал, курс, по которому сдавался этот последний экзамен можно было выбирать из двух — необычная возможность для той системы обучения. Я, надо признаться, не слушал ни одного из этих двух курсов (ситуация, как раз, обычная для той же системы обучения), поэтому выбрал “Дискретную математику”, по принципу наименьших усилий.

У этого курса было две особенности, из которых я учёл лишь одну. Она состояла в том, что будучи последним, он, тем не менее, был самым элементарным курсом за весь период обучения. Для него не требовалось никаких предварительных знаний, а главное, он состоял из множества разрозненных тем, ни в одну из которых далеко углубляться не требовалось.

Вторая, не учтённая мной, особенность курса была та, что читал этот курс Лупанов, декан мехмата, он же заведующий кафедрой Дискретной математики, и принимали экзамен преподаватели с той же кафедры. Образовалась эта кафедра, отделившись от кафедры Логики. На Логике при этом делении остались приличные математики во главе с

Колмогоровым, а на новую кафедру ушли деятели, занимающиеся организацией вступительных экзаменов в специализированных аудиториях¹, проще говоря, недопущением евреев к обучению на мехмате. В те времена на факультете действовала антисемитская партия, неформальная, но игравшая роль большую, чем коммунистическая. Декан, во всяком случае, состоял только в первой.

При ответе на экзаменационные вопросы я неожиданно столкнулся со странным поведением экзаменатора. Он постоянно меня переспрашивал, делая вид, что поймал на ошибке, и пытаясь сбить, а когда ему это удавалось, записывал на бумаге сделанное мной неверное утверждение. Ничего абсолютно недопустимого в этом не было, но стало ясно, что происходит не обычный экзамен: обычные никто так не принимает. Дошло до того, что я не выдержал и прямо спросил экзаменатора, в чём причина помех с его стороны, но от ответа он уклонился. Конечно, я должен был сам понять, что происходит. Уже несколько лет я следил за вступительными экзаменами в специализированных аудиториях и не только знал, как и кем они проводятся, но обучал потенциальных жертв-абитуриентов противостоять давлению. И вот теперь, сам оказавшись в роли жертвы, я даже не опознал ситуацию. Только когда экзаменатор отпустил меня с двойкой, и в коридоре я встретил наблюдавших со стороны приятелей, мои глаза открылись. Достаточно было одного слова, имени экзаменатора — Алёшин, и всё встало на свои места. Правда, экзамен был не вступительный, и не в специализированной аудитории, но связать его с беседой в деканате было уже несложно.

Метель в Хабаровске

В качестве меры защиты я применил обычную студенческую изворотливость. Вспомнив, что курс можно было выбирать из двух, и что поначалу я выбрал как раз другой, я решил получить оценку за этот другой. Назывался он “Физика Земли” и занимался применением различных физических законов к жидкой магме, составляющей земной шар. Не помню, было ли достигнуто что-нибудь интересное на этом пути, да наверно, никогда и не знал. Курс этот имел репутацию халювы, для того я и пошёл его сдавать. На деле, он требовал какого-то труда, поэтому поставить мне больше тройки профессор не был готов, а я желал большего и отказался. Но теперь та тройка оказалась мне очень кстати.

На моё счастье, в Хабаровске бушевала метель. Дело в том, что профессор давно должен был быть там, оттого и принимал свой экзамен раньше положенного срока, но теперь, из-за нелётной погоды, коротал дни в профессорской столовой. Там-то я его и нашёл, принёс экзаменационную ведомость, получил свою законную тройку и с сознанием сделанного дела отправился домой.

¹ Специальные аудитории, куда направлялись доверенные экзаменаторы и требующие особого обращения абитуриенты. Экзаменом происходящее в этих аудиториях можно назвать лишь с натяжкой, ибо результат, как положительный, так и отрицательный, мало зависел от знаний школьника.

Наутро раздался звонок из деканата. “Тут преподаватели посоветовались”, — невинным голосом сообщила секретарша, — “и решили, что Ваша тройка незаконна”. “В каком смысле незаконна?” — удивился я. “В том, что, получив двойку, Вы имеете академическую задолженность, а значит, должны её пересдать” — ответила секретарша. “Но ведь это курс по выбору,” — попробовал настаивать я. — “Я вообще не обязан был сдавать дискретную математику.” Но сбить её было нелегко, сколь сомнительной ни была её логика: “Академическая задолженность должна быть закрыта”.

Продолжать аргументацию своей точки зрения было бессмысленно. Никакие соображения не могли перевесить результаты “совещания” преподавателей. Моя хитрость с тройкой, таким образом, не решила проблемы. И всё же, она не была вовсе бесполезной: выгнать меня из университета немедленно, как неуспевающего, осторожное начальство не решилось. Нужно ли пересдавать двойку или достаточно иметь тройку, было неясно. Поскольку сама возможность свободного выбора курса была необычной, на какой-либо прецедент ни одна сторона сослаться не могла. Забегая вперёд, скажу, что, в дальнейшем аргументация начальства изменится. Тройка окажется незаконной потому, что была получена не в результате экзамена. Да, экзамен Вы сдавали, но от оценки в тот момент отказались, а когда получали её, тогда уже экзамена не сдавали. Конечно, не Вы первый, многие получают свои оценки тем же манером, но это всё равно незаконно. Теперь мы решили с такой практикой бороться и случайно начали с Вас.

Но эта смена аргументации произойдёт позже. А пока, я сделал важный вывод из своего тактического поражения: для преодоления неприятностей такого уровня, моей квалификации недостаточно. Я рассказал о своих злоключениях Михаилу Самсоновичу Цаленко, папе моей знакомой. В отличие от меня, он обладал опытом в таких делах и выразил готовность помочь. С этого момента и до конца рассказа я не предпринимал ничего значительного без его указания.

Запоздалое знакомство

В конце января заместитель декана сообщил, что я не допущен к сдаче госэкзамена по научному коммунизму (была такая наука), по причине несданной сессии. Это было крайне неприятно, поскольку госэкзамен не пересдаётся так же просто, как обычный экзамен. Зато я узнал, как выглядит настоящий замдекана.

Выполнение обещаний

Как я уже упоминал, гэбэшники сдержали обещание. Те списки переписанных участников религиозных собраний, в которых я появлялся, вскоре оказались в парткоме, а затем в комитете комсомола. Последний немедленно озаботился вопросом о моём исключении. Не то, чтобы мне было так важно состоять в комсомоле, но было понятно, что исключение облегчает процедуру исключения из университета, хотя не вполне ясно, почему. Поэтому мне пришлось цепляться и за членство в комсомоле.

В конце января я явился на разбирательство в комитете комсомола и занял там позицию полного непризнания, то есть отрицал сам факт появления рядом с синагогой по праздникам. На комитетчиков это враньё произвело удручающее впечатление. Они буквально развели руками, поскольку говорить с таким лгуном было больше не о чем. Но источника столь твёрдых сведений о моём поведении они не выдали. Этим источником был, вероятно, какой-то отряд, посылаемый комитетом комсомола патрулировать в предосудительных местах, но они почему-то считали необходимым эту деятельность скрывать.

Одного из участников заседания я прекрасно знал. Это был Серёжа Конягин, талантливый математик, видимо, решивший помочь своей будущей карьере или, хотя бы, убрать с пути лишние препятствия. Должен заметить, что и я в своё время получил подобное приглашение от комитета. Очевидно, комитетским аппаратчикам нужно было участие какого-нибудь математика для их легитимации. Я приглашение проигнорировал, а Конягин принял.

Через несколько дней после заседания мы с Конягиным встретились в коридоре. “Ты вёл себя совершенно несуразно,” — неожиданно заявил он. В тот период я был рад любому совету, но этот всё же показался мне бессмысленным. Я должен был вести себя честнее? Или упустил какую-то возможность? Мне казалось несуразным присутствие самого Конягина на этом собрании. Заседавшие там ничтожества нуждались в Конягиных, но боялись и ненавидели их. Насколько я помню, изрядно там измазавшись (отнюдь не только в моём деле), он не извлёк из участия в комитете никакой пользы.

Профессионализм

Поскольку моя попытка перехитрить начальство не удалась, в середине февраля мне пришлось пересдавать экзамен по Дискретной математике. На этот раз я выучил предмет достаточно, чтобы не опасаться скептических переспрашиваний экзаменатора, благо, это было совсем несложно. Кроме того, я опять задумал хитрость. Где-то в одежде я спрятал диктофон, а в руке — микрофон, для последующей демонстрации недопустимых приёмов экзаменации. Эта новая хитрость провалилась ещё позорнее, чем первая. Во-первых, качественно записать ход экзамена оказалось непросто: ничего было невозможно разобрать. Во-вторых, сама запись была, скорее всего, незаконна, и потому не годилась бы в качестве доказательства. А в-третьих, и в-главных, это была попытка отыгаться в прошлой, уже проигранной, войне. Экзаменатор теперь был другой, и способ профанации экзамена у него был такой, что на запись ему было наплевать.

Подколзин — новый экзаменатор — вообще не повышал голоса, не прерывал, не переспрашивал. Не разбирающийся в предмете сторонний наблюдатель не мог бы распознать фиктивность происходящего между нами диалога, поскольку ему осталось бы непонятно, были ли замечания экзаменатора существенными, и какова сложность предлагаемых им задач. На деле, эти задачи не предназначались для какого-то ни было

экзамена и лишь отдалённо соответствовали надлежащей теме. К одной из них не подходили не только методы, изучавшиеся в курсе, но и никакие другие; она требовала долгого, детального перебора многочисленных комбинаторных вариантов². Другая представляла собой частный случай теоремы из монографии самого Подколзина; её решение по сути ничем не отличалось от доказательства самой теоремы³.

В момент экзамена я ничего этого, конечно, не знал, и ни одной из задач не решил, за что и получил двойку. А после экзамена спросил Сашу Шеня — знакомого специалиста в этой области. Он-то и сообщил мне о существовании монографии по теории автоматов, содержащей одну из задач, а также определил, что к другой задаче не применимы никакие известные методы. У нас ещё будет повод вернуться к этой монографии, когда на сцене появится новое действующее лицо.

Ко мне были применены те же методы, с помощью которых не допускалось поступление евреев на мехмат, причём применили их те же самые экзаменаторы, которые работали в приёмной комиссии. Поэтому и я попробовал сделать то, что рекомендовал заваленным абитуриентам: жаловаться. Дальнейшее хорошо известно: вышестоящая инстанция перенаправит жалобу нижестоящей, то есть именно тем, на кого пожаловались, а те, естественно, объяснят, почему жалоба несостоятельна. Когда это произойдёт, следует обращаться в прокуратуру по поводу процедурного нарушения, которым такое перенаправление жалобы, безусловно, является. Несмотря на то, что мне не известен ни один случай успеха подобного поиска справедливости, он необходим, хотя бы, для морального права обвинять систему. Кроме того, как мы скоро увидим, эти действия вполне пошли мне на пользу, правда, совершенно неожиданным образом.

Быть или не быть

Вскоре после экзамена я пришёл на приём к декану, Лупанову, для подачи апелляции по несданному мной экзамену, поскольку именно декан читал тот курс, экзамен по которому я сдавал. Мне запомнились два обстоятельства этой встречи. Во-первых, декан почему-то пытался от неё уклониться. В течение всего своего приёмного часа ему пришлось отсутствовать. Потом выяснилось, что я терпеливо жду, а уйти домой, не заходя в кабинет он не может, поскольку оставил там пальто. Когда он, в конце концов, пришёл, при нём находился парторг. Никакой роли последний не играл, но было очевидно, что беседовать со мной без свидетелей декан опасается.

Затем, уже покончив с тем делом, ради которого я пришёл, декан поинтересовался, собираюсь ли я продолжать сдавать экзамен. В первый момент я решил, что ослушался. Моей следующей мыслью было, что, может быть, он решил как-то спустить всё дело на

² Требовалось найти схему с минимальным числом элементов, вычисляющую некоторое логическое выражение.

³ Вот эта задача. У автомата 4 состояния, они же — выходные буквы; во входном алфавите 6 букв. Может ли он производить любое слово длины 14, но не любое слово длины 15?

тормозах. Это было совершенно невероятно, поскольку мехматское начальство не испытывало в связи со мной видимых неудобств. Но о чём же тогда идёт речь?

“Что Вы имеете в виду?” — спросил я напрямик. “Ну, может быть, Вы не будете сдавать этот экзамен.” — туманно ответил Лупанов. Я был совсем сбит с толку и осторожно попытался понять, куда он клонит: “Но ведь в этом случае я не смогу закончить университет.” “Ну, как же можно закончить университет, не сдавая экзаменов?” — улыбнулись оба моих собеседника. Так я и ушёл, недоумевая. Лишь несколько недель спустя, случайно узнав, что моего знакомого выгоняют из его института по похожей причине, я понял смысл заданного мне вопроса.

Оказалось, что испытываемый в ситуации противостояния системе психологический дискомфорт побуждает многих просто уйти. Такое поведение показалось мне странным. Конечно, мои шансы на победу очень невелики, а просто причинение начальству хлопот не является моей целью. Но зачем освобождать начальство от явно неприятной для него работы, не получив взамен решительно ничего?

Об упомянутом знакомом я узнал от Михаила Самсоновича, к которому знакомый, как и я, обратился за помощью. Ему, как и мне, был рекомендован некоторый план действий. Но, в отличие от меня, тот этим планом не воспользовался, а просто ушёл из своего МИИТа. Конечно, скорее всего, даже самые лучшие советы ему бы не помогли, но почему не попробовать? Михаил Самсонович так и не понял, зачем же он приходил.

Реакция нормального человека

Поскольку моя апелляция была, разумеется, отклонена, я отправился в Министерство Высшего Образования. У меня оказалась там даже некоторая протекция: мама одноклассника. Тем более тягостное впечатление оставил разговор с тамошними чиновниками. Поскольку со мной произошло ровно то, чего я — по их представлению — должен был ожидать, мне некого винить, кроме самого себя. Более того, они даже не усмотрели никаких формальных нарушений со стороны мехматского начальства. Ну и что, потребовали доказать теорему из монографии? Вы, молодой человек, учитесь на пятом курсе и должны уже решать любые задачи. Говорить с ними было совершенно не о чем, но жалобу они взяли — чтобы передать её на мехмат, конечно.

Вообще, даже люди благожелательные, как правило, относились к происходящему со мной, как к естественному порядку вещей. Единственным средством борьбы с такого рода неприятностями они считали поведение, не дающее повода к ним. Тем приятнее были исключения. Так, например, юридический консультант при самом университете отлично поняла меня и дала несколько вполне ценных разъяснений. Между прочим, её сын преподавал у нас марксистскую философию, поэтому как раз от неё мне, казалось бы, меньше следовало ожидать помощи, чем от мамы одноклассника.

Кто был никем, становится всем

Поскольку ответ на жалобу в Министерство я получил из университета, следовало идти в прокуратуру. Этот визит я совершенно не подготовил и даже не составил текста заявления. Я просто записался на приём и объяснил прокурору, что хотел бы подать жалобу на процедурное нарушение. Эффект оказался поразительным, хотя оценить его по достоинству я сумел, только покинув здание прокуратуры. Сначала в кабинет зашёл другой сотрудник. Как-то так получилось, что разговор со мной вёл в-основном, этот другой сотрудник. Говорил он грубо. “У вас проблемы с университетом, вот и разбирайтесь с ним сами, зачем к нам пришли? Никаких заявлений рассматривать не будем. У нас Вам делать нечего, уходите. Разговор закончен.” Я был не подавлен и даже не оскорблён, а, прежде всего, удивлён таким приёмом. Почему он позволяет себе вести себя со мной так нагло?

В задумчивости покинул я здание прокуратуры, пытаюсь понять произошедшее. Догадка пришла уже по дороге домой. Кто, собственно, так грубил мне? Никто. Прокурор, на приём к которому я пришёл, помалкивал и не выгонял меня, очевидно, осознавая свою ответственность за происходящее в его кабинете. А выгнал меня Никто — человек безо всякой роли на моей встрече с прокурором. Этого Никто там просто не должно было быть, и, ни за что не отвечая, он мог позволить себе любое хамство.

Два напряжённых месяца

Пока я неумело барахтался в бюрократическом болоте, Михаил Самсонович разрабатывал действенные ходы. Прежде всего, он определил, что всей деятельностью вне университета я вообще заниматься не должен — это дело моей мамы. С мамой будут иначе разговаривать, а главное, она сама может говорить обо мне то, что мне самому сказать неудобно.

Затем, он помог грамотно написать жалобу на фальшивый экзамен. Претензии к его проведению были достаточно чёткими и формальными. Одна задача не на заданную тему, другая взята из монографии экзаменатора, где сопровождающая иллюстрация, между прочим, содержит ошибку — на всё это мама могла жаловаться, требуя не только исправления оценки, но и наказания экзаменатора за нарушение профессиональной этики.

Но главное — это позволяло подавать жалобу на такой уровень, на котором с математикой не знакомы. Начинали с декана, затем Министерство, переправившее жалобу в университет, потом жалоба проректору (сегодняшнему ректору). К марту уровень инстанции поднялся до Городского Комитета Партии. Там жалобу не только приняли, но даже не переслали в университет, а отдали для разбора соответствующему работнику. Тот поговорил с мамой по телефону и запросил мехмат обо мне. Что именно ответили с мехмата, мне неизвестно, но не это главное. Вся ситуация вышла за рамки университета,

и на мехмате стали вести себя ещё осторожнее. В дальнейшем Михаилу Самсоновичу удастся довести эту осторожность до уровня, сделавшего возможным моё окончание университета.

Весь этот снежный ком жалоб, жалоб на необоснованность или отсутствие ответа на предыдущие жалобы, на недопустимое делегирование жалобы той организации, на которую жалуются, — вся эта переписка красноречиво молчала о главном: реальной причине моего исключения из университета. Мама писала о “необъяснимой кампании против моего сына”. Отклоняя жалобы, инстанции также делали вид, что речь идёт об обычной академической неуспеваемости. Через два месяца эта тактика недомолвок будет полностью прекращена.

Обратный экзамен

Мама спросила у Колокольцева — горкомовского куратора, нельзя ли получить у преподавателя консультацию по курсу, прежде чем пересдавать экзамен, и неожиданно получила полную поддержку. Разыгрывая разные варианты действий, никогда не угадаешь, что сработает. Так и в этот раз: самые, казалось бы, неотразимые аргументы о недопустимости предлагать теоремы из монографии в качестве экзаменационных задач не произвели никакого впечатления. Зато неожиданная для меня самого просьба о консультации была принята немедленно. Почему? На каком основании? С каких это пор студент может требовать консультации? Как, вообще, Михаилу Самсоновичу пришла в голову идея попросить об этом? И вот, представьте, сработало, причём неодолимо. Как бы, тут, и двух мнений быть не может. Всё ли на экзамене было в порядке, почему, собственно, я, вообще, должен его сдавать — вопросы спорные. Но консультация, безусловно, полагается, как же без неё?

Эта просьба была, разумеется, лицемерна. Я уже давно знал всё, что может понадобиться для нормальной сдачи экзамена. А если принимать его по системе Алёшина-Подколзина, то никакая консультация не поможет. То есть, консультация мне, действительно, была нужна, только отнюдь не для подготовки к пересдаче. Это была удивительная возможность заставить экзаменатора отвечать на собственные вопросы, и, вполне возможно, засыпаться. Конечно, его условия “сдачи экзамена” были намного благоприятнее моих, поскольку ответы он знал заранее, но, напомним, трудность одной из задач происходила вовсе не от необходимости гениальной догадки, а от тяжёлого, кропотливого перебора многочисленных вариантов. Такой перебор, даже подготовленный заранее, неизбежно займёт немало времени.

На “консультацию” я пришёл не один, а с парой сокурсников. Они были посвящены в суть происходящего, поэтому им было интересно посмотреть. А мне было желательно иметь свидетелей. Но и Подколзин был, конечно, не дурак. Он объявил, что проведёт консультацию на своей кафедре, то есть в кабинете, в который студент без разрешения войти не может. Я заспорил, и тут в кабинет вошёл Алёшин (мой первый экзаменатор по этому курсу) и, в своём грубом стиле сообщил, что консультация отменяется. Да, Вам

позволили получить консультацию, но теперь мы видим, что Вы пришли совсем не за ней, поэтому Вы её не получите. Всё, закончили. Вы не поняли? Можете идти домой.

На мгновение я, действительно, был готов уйти. Да и что, казалось бы, остаётся, когда тебя грубо и недвусмысленно выставляют за дверь? Но какое-то дежавю заставило остановиться и задуматься. Прокуратура! Вот, откуда меня выгнали столь же бесцеремонно. И я мгновенно всё понял.

Какова сейчас роль Алёшина? А никакой. Когда-то он меня экзаменовал, а сейчас он Никто. И именно поэтому так хамит. А Подколзина обязали провести консультацию, оттого он, очевидно, помалкивает. Между прочим, мою догадку можно легко проверить. “Так вы меня выгоняете?”, — обратился я к Подколзину. “Ну, я Вам этого не говорил.” — последовал ответ.

И консультация началась. Начал Подколзин с того, что стал валять дурака. Не мог ли бы я напомнить ему условие задачи, вроде, задача совершенно типовая, каких тысячи. Но поскольку на самом-то деле, вряд ли у него было припасено больше одной-двух таких задач, и он это отлично знал, терпения слушать условие до конца у него не хватило, и после нескольких слов он всё “вспомнил”. Но тут, неожиданно для меня, снова возник Алёшин, как оказалось, оставшийся в комнате. “Простите, не могли бы Вы закончить условие задачи?” — обратился он ко мне. “Зачем он это просит? Не может же его, действительно, интересовать какая-то задача” — подумал я. А вот зачем. Он хочет получить статус действующего лица. “Александр Сергеевич уже вспомнил” — нахамил я неожиданно для самого себя. И попал в точку: Алёшин даже не обиделся. И молчал до конца консультации.

Сама консультация, надо признать, оказалась совершенно бесплодной. Подколзин хорошо подготовился и практически наизусть, без запинки, аккуратно разобрал все необходимые варианты, уложившись минут в десять из тех пятнадцати, которые предоставил мне на экзамене. Придаться было не к чему.

Достойный отпор

Как-то раз я разговорился с аспирантом кафедры алгебры, с которым меня только что познакомили. То, да сё, рассказал ему о своих проблемах, а тот, оказывается, о них слышал, только без моего имени. “Так это из-за тебя мы в лыжный поход ходили”, — с интересом отметил он. “Какой ещё поход?” — несказанно удивился я. “Ну, как, сам понимаешь, такое дело, на кафедре скандал, начальство вызывает, говорит, надо отреагировать. А как реагировать, никто не знает. Всё, что пришло нам в голову — отчитаться о лыжном походе по Ленинским местам. Есть идеи лучше?” Действительно, ничего лучшего я придумать не смог, поэтому вынужден был признать относительную адекватность реакции.

Гроссмейстерский ход

В середине апреля Михаил Самсонович сделал самый потрясающий ход в этой игре. Поскольку все мыслимые возможности были исчерпаны, настало время немислимых. К счастью, немислимыми они были только для меня, но не для Михаила Самсоновича. В отличие от меня, он понимал, как работает система. И вот, что он предложил. Моя мама должна была, уже без недомолвок, написать жалобу непосредственно на действия КГБ. При этом, поскольку, куда бы такая жалоба ни была подана, отвечать на неё будет сам КГБ, то и в этом следует отказаться от условностей, и сразу жаловаться Чебрикову, тогдашнему председателю КГБ.

Но и это ещё не всё. На что, собственно, я собираюсь жаловаться? Экзамен — дело рук Университета, а не КГБ. То, что КГБ передал какие-то бумаги в партком, так это его внутреннее дело, что и куда передавать. Так вот, мама пожаловалась на попытку КГБ заставить меня сотрудничать против моего желания.

Вот тут моя челюсть и отвисла. А как же ещё КГБ может работать? Да ведь только этим он и занимается! Но это — на деле. А на бумаге сотрудничество с КГБ всегда добровольно, во всяком случае, если человек не преступник. К тому же, отмечалось в жалобе, стучать мне предлагали на довольно близкого родственника. Последнее обстоятельство, как я понял из дальнейшего, оказалось неприятным для КГБ по двум причинам. Во-первых, такое сотрудничество труднее изобразить как добровольное. А, во-вторых, само обстоятельство, видимо, было результатом прокола. Дело в том, что родство, хоть и относительно близкое, возникло совсем незадолго до описываемых событий, в результате моей женитьбы. Я уже упоминал о медовом месяце, проведённом в уклонении от встречи с гэбэшниками. Им не было тогда известно ни где я нахожусь, ни почему.

Итак, мама отправилась на Лубянку в приёмную КГБ, подала жалобу, и те, действительно, стали что-то делать. Какие-то представители появились на мехмате. Что именно они пытались проверить, я не знаю, но мне показалось занятным сравнить задаваемые ими вопросы с тем, что интересовало горком Партии. Если Колокольцев спрашивал мехматское начальство о моих академических успехах, то КГБ — о моей общественной работе.

Тщета планов

Процесс окончания Университета шёл, тем временем, своим чередом, и по графику пришло время Распределения. В моём положении почти исключённого студента это действие было бессмысленным, но закон есть закон. В процедуре Распределении я участвовал вместе со всеми, только её результат меня мало интересовал, поскольку я не верил, что этот результат будет иметь какую-либо силу. В конце концов так оно и оказалось, хотя весьма неожиданным образом.

Процедура была представлением в двух действиях с недельным антрактом: первое действие было репетицией, а второе — настоящим Распределением. Но главное действие происходило не в зале, где заседала Комиссия, а в коридорах, где представители контор встречались с кандидатами на нужную им работу. Желанными для студентов были предложения академических институтов, нежелательным — распределение учителем в школу, а большинство из оставшихся представляли секретные “ящики” с неизвестным родом занятий.

Мой сокурсник и приятель Миша Соловейчик (один из тех, кто пытался быть зрителем при моей “консультации”), в отличие от меня, имел все основания заботиться о своём распределении. Во время репетиции он довольно быстро нашёл общий язык с представителем Кардиоцентра, принесшим сразу четыре заявки, но какая-то недомолвка чувствовалась обоими, пока представитель не спросил Мишу прямо, кто он по национальности. Миша сообщил, что еврей. (Собственно, на нашем курсе училось ровно два еврея: он и я, но рассказ о вступительных экзаменах вывел бы меня далеко за рамки настоящего повествования.) Реакция представителя на Мишин ответ была несколько неожиданной: “Я тоже”, — сообщил он, пообещав при этом сделать всё возможное для нейтрализации прискорбного обстоятельства.

Возможным оказалось немного. Через неделю, на настоящем Распределении, представитель рассказал, что обстоятельство национальности оказалось решающим. На попытку представителя доказать начальству, что Миша сделал работу в интересующей Кардиоцентр области, ему просто указали, что он говорит не о том. На этом представитель с Мишей расстался, заполнив свою квоту четырьмя другими студентами. Никем не предвиденные обстоятельства, однако, вскоре сложились так, что тема трудоустройства еврея в Кардиоцентр, этим закрыта не была.

Вскоре представитель Кардиоцентра имел ещё более неприятный разговор, на этот раз с заместителем проректора Максимовым. Тот сообщил об очень способной студентке, место которой, безусловно, в Кардиоцентре. Представитель возразил, что уже заполнил свою квоту. Максимов этого аргумента не понял, ведь Распределение ещё не произошло, поэтому из списка можно кого-нибудь выкинуть, а студентку вставить. Его удивление возросло ещё более, когда представитель эту простую операцию произвести отказался. Но удивился Максимов всё же не настолько, чтобы потерять способность действовать.

Комиссия по распределению неожиданно озаботилась проблемой недостаточного удовлетворения заявок Минпроса. Школьными учителями большая часть студентов работать не хотела. Чтобы хоть как-то исправить положение, комиссия решила в Кардиоцентр никого не направлять. Те, кто собирался туда идти, стали срочно искать новые варианты, а проявивший неожиданную принципиальность Представитель отправился восвояси с пустыми руками.

Я, в отличие от других, нисколько не возражал против распределения в школу, поскольку оно составляло лишь ничтожную часть моих проблем. Так меня и распределили — на

Репетиции. А на настоящем Распределении произошло вот что. Зачитав мою анкету, ведущий заседание отклонился от текста, произнесённого им неделю назад, и выдал поправку: исключён из рядов комсомола. Представитель Минпроса отреагировал немедленно и поинтересовался причиной. Меня попросили выйти, я так и не понял, почему, не причину же исключения хотели от меня скрыть. Так или иначе, когда я вернулся в зал, не только Минпрос, но и представитель никакой другой организации не проявил желаний меня получить. Куда-то, однако, меня нужно было записать. Комиссия пошла по самому простому пути и записала меня туда, откуда возражений последовать не могло, а именно, в Кардиоцентр, поскольку, как мы помним, его представитель к тому моменту покинул место действия.

Толкование текстов

Сообщение о моём исключении из комсомола, прозвучавшее на заседании комиссии по распределению, было, формально говоря, преждевременным. И никто не понимал этого лучше самого комитета комсомола, обязанного рано или поздно довести начатое дело до конца.

В комсомольском уставе было записано, что решение об исключении принимается первичной организацией, то есть, как я полагал, учебной группой. Знакомый буквоед заметил на это, что никакой формальной структуры меньше университетского факультета у комсомола нет. Поэтому вскоре после собрания в комитете комсомола, я наведалься туда снова, чтобы выяснить, что именно они считают первичной организацией, и как собираются решать задачу её созыва.

Оказалось, эти вопросы их совершенно не интересуют. На мой устав у них нашёлся комментарий к уставу, меня совершенно поразивший. Дело в том, что в те времена я начал изучать иудаизм, что, собственно, и привело к моей встрече с гэбэшниками в университете. Так вот, комментарий к комсомольскому уставу оказался выдержан совершенно в духе изучаемых мною книг. Уставное положение об исключении первичной организацией, пояснил комментарий, надо читать так: даже первичная организация имеет такое право. А, тем более, вышестоящая. Всё, что надо, функционеры могли сделать сами и в собрании учебной группы не нуждались. Тем не менее, комсорг группы получил задание такое собрание созвать.

Работа с людьми

Сначала начальство кафедры алгебры, которой принадлежала учебная группа, пригласило Стасика Комарова, комсорга, для посвящения в тайное искусство сбора людей и вынесения нужных решений. “Для начала, нужно убедить всего несколько человек поддержать нужное решение.” — примерно так начался инструктаж. “Скажем, есть у вас бюро группы. Нужно встретить одного из членов и спросить, почему его не было на заседании этого бюро. И таким вопросом, как бы, ‘подвесить’ его. А после этого уже можно изложить свою просьбу.” Техника Стасику понравилась. А я немедленно

осознал, что именно так и беседовали со мной гэбэшники. Но ведь начальство кафедры не работает в ГБ? В какой же высшей школе этому обучают? Наверно, опыт работы с людьми привёл и тех и других к единой схеме.

Все пожелания начальства были удовлетворены. Собрание группы было созвано. И студенты даже явились на него. Не была учтена только одна мелкая деталь: Распределение уже произошло. И деталь эта оказалась решающей. Пришедший на собрание Секретарь вскоре почувствовал себя неуютно и ушёл. А собрание единогласно осудило решение об исключении. Это, как мы уже понимаем, практических последствий иметь не могло, но явилось для меня приятной неожиданностью.

Ресурсы исчерпаны

К началу мая идеи истощились даже у Михаила Самсоновича. Последняя апелляция была отклонена, необходимость пересдавать экзамен неумолимо приближалась, а КГБ ответа не давал. Как ультимативное средство добиться ответа, Михаил Самсонович отправил маму на почтамт отправить телеграмму Андропову, тогдашнему генсеку.

Это подействовало. КГБ известил маму, что проверка по её жалобе завершена, и пригласил в приёмную для беседы. Правда, сама беседа большого интереса не представляла. Обвинения, изложенные в жалобе не подтвердились. Факта принуждения к сотрудничеству обнаружено не было. Да, контакт был, но это нормально: КГБ пользуется помощью граждан, и такое сотрудничество всячески приветствуется.

Несмотря на такой результат, жалоба, вероятно, имела всё же решающее воздействие, состоящее в превращении моего исключения из университета из ответственного задания органов в местную инициативу мехматского начальства. Такая интерпретация была спекулятивна, но ни на что другое рассчитывать не приходилось. Поэтому Михаил Самсонович дал мне указание сдавать экзамен в третий, и последний, раз.

Тройка

По правилам, этот экзамен следовало сдавать комиссии из трёх человек. Конечно, я не мог знать заранее, кто именно будут мои экзаменаторы. Тем не менее, эта тройка оказалась хорошо мне знакома — все четверо. Двое из них меня уже экзаменовали, Алёшин первый раз, и Подколзин — второй. Кудрявцев меня до сих пор не экзаменовал, но я знал, кто это. Во-первых, он возглавлял комиссию по выезду за границу. Была такая комиссия, без разрешения которой ни один профессор не мог отправиться на международную конференцию. Мне трудно даже оценить кто главнее, глава этой комиссии или декан. Во всяком случае, он состоял в должности профессора, не защитив докторской диссертации, — необычное сочетание, говорящее о высоком положении при совершенной неспособности написать работу, которую принял бы даже самый благожелательный учёный совет.

Во-вторых, как я уже упоминал, при работе над ошибками после второй сдачи экзамена Саша Шень навёл меня на монографию Подколзина по теории автоматов, теорему из которой он предложил мне в качестве экзаменационной задачи. Так вот, на самом деле, эта монография подписана не одним, а тремя именами. Кроме Подколзина, там значатся ещё два автора: Алёшин и Кудрявцев. Какова могла быть их роль? Алёшин, вероятно, по крайней мере, прочитал монографию, но не думаю, что Кудрявцев смог бы в ней разобраться. В поисках ответа, я выяснил должности всех троих. Кудрявцев, как мы знаем, профессор. Алёшин оказался доцентом. А Подколзин — только старшим преподавателем. Возможно, я ошибаюсь, но без дополнительных подписей ему не удалось бы издать свою монографию.

Четвёртым экзаменатором был Гашков — человек с той же кафедры, но иной возрастной категории, чем авторы монографии. Забегая вперёд, отмечу, что в течение всего экзамена его голоса я не услышал. Поэтому больше он упомянут не будет. Думаю, примерно для этого он и молчал. В молодом возрасте и при хороших способностях имеет смысл беречь репутацию.

Спектакль глазами актёра

Начался экзамен, как и предыдущие, вытягиванием билета. В билете, как обычно, было указано, какого рода задачу я должен решить. Но, в отличие от первой сдачи, где я получил какую-то типовую задачу, и от второй, когда Подколзин предложил мне что-то лишь отдалённо напоминавшее требуемую тему, выданная мне на этот раз задача уже вовсе не отвечала требованиям билета. Меня это, возможно неоправданно, успокоило. “Ведь если бы меня решили выгнать”, рассуждал я, “не следовало бы создавать формальных поводов для будущих жалоб”. Очень вероятно, однако, что у них просто не было большого выбора. Не так-то легко придумать нерешаемую задачу с элементарной формулировкой. В любом случае, я был уверен, что решение о результате экзамена, каким бы оно ни было, уже принято, поэтому от моих знаний и усилий он мало зависит.

Отвечал я у доски, чтобы видно было всем. Поскольку материал курса умственных усилий не требовал, я был вполне в состоянии наблюдать за действиями экзаменаторов. Я уже знал, на что способен каждый из них, и было забавно видеть, как послушно они оправдывают все ожидания.

Вот, например, я должен рассказать о каких-то схемах. “Схема — это граф с петлями и кратными рёбрами...” — начинаю я с определения. “Что такое граф?” — немедленно прерывает меня Алёшин, не давая закончить фразы. А действительно, что это такое? Это комбинаторное понятие настолько элементарно, что объяснять его в ходе курса лектору не было надобности, но уметь формально определить его я, вроде бы, обязан. С другой стороны, те графы, о которых идёт речь, специфичны разрешёнными петлями и кратными рёбрами. “Графом называется множество X и отображение α из него в...” — пытаюсь я импровизировать. Но Подколзина так просто не проведёшь. Вопрос задавал не он, и

вообще, сбивать экзаменуемого с темы — не его метод, но неточности он видит немедленно и делает замечание. Я пытаюсь исправить определение, опять плохо. Наконец, выдаю что-то неуклюжее вроде “множества X и Y с отображением α из Y в $X \cup X^2$, где X^2 — множество двухэлементных подмножеств X ”. Подколзин сразу успокаивается, а Алёшин продолжает искать у меня ошибку, лишь постепенно убеждаясь в тщетности своих поисков. И тут неожиданно подаёт голос профессор Кудрявцев. Передать его слова невозможно, из них лишь становится ясно, что он вообще не понял, какое отношение какие-то абстрактные X и Y имеют к заданному мне вопросу. Тогда Алёшин с Подколзиным уверяют его, что ответ был дан правильный, и экзамен продолжается. А Гашков молчит.

В таком духе я отвечаю, наверно, час. На вопросы билета я ответил, а задачу, понятно, не решил. Наконец, экзамен подходит к концу. Меня просят выйти на время совещания комиссии, а когда я захожу обратно, все роли изменились до неузнаваемости. Единственный обладающий теперь даром речи — Кудрявцев. “На экзаменационные вопросы Вы ответили плохо” — подытоживает он часовой ход экзамена. “Задачу вообще не смогли решить. Таким образом, Ваша оценка — ‘неудовлетворительно’.” Он выдерживает некоторую паузу и продолжает: “Комиссия, однако, считает нужным отметить некоторые положительные изменения в Вашем знакомстве с материалом, очевидно, вследствие проведённой Вами подготовки к экзамену. По мнению Комиссии, в случае продолжения процесса обучения, у Вас есть шанс сдать этот экзамен на положительную оценку.” Новая пауза. “Поэтому Комиссия сочла возможным, так сказать, авансом,…” — и Кудрявцев выдал мне отрывной листок с оценкой для передачи секретарше в деканате. Оценка оказалась необычной, и писалась в три слова: “Удовлетворительно с минусом”. Секретарша недоумённо повертела её в руках, но быстро поняла, чего от неё ждут, и заполнила ведомость. А я впервые почувствовал, что, похоже, университет всё-таки закончу.

Я учусь разговаривать

Сданный мной экзамен был последним только из обычных экзаменов. Но оставалась защита диплома, где мне было нечего опасаться, и госэкзамен по научному коммунизму, к которому вместе со всеми, в январе, меня не допустили по причине несданной сессии. Казалось бы, поставить двойку по коммунизму намного легче, чем по математике, но это иллюзия. Во-первых, преподаватели коммунизма относились к своему предмету серьёзно. Постороннему может быть трудно в это поверить, но ещё труднее представить себе всю систему преподавания марксизма как циничный заговор обманщиков. Во-вторых, почему они вообще должны этим заниматься? Если математики хотят кого-то выгнать, так пусть сами это и делают. А если у них возникла проблема, то и преподавателям коммунизма чужие проблемы не нужны.

Тем не менее, я отправился к гуманитарно образованному приятелю для консультации по безопасной сдаче марксизма. Вот, чему он меня научил. Какой бы билет я ни вытащил, какая-нибудь статья Ленина там появится. Поэтому все положенные по программе статьи придётся прочитать. Но экзаменатор может спросить, что в этой статье написано на

такую-то тему, а я этого знать не могу, поскольку указанная тема упоминается там лишь вскользь, а то и вообще не появляется. Так вот, отвечать следует так: “В статье такой-то Ленин говорит...” — и спокойно пересказывать содержание статьи. На все попытки завести речь о специфической теме, якобы содержащейся в статье, просто продолжать пересказ. Главное — не пытаться угадать, что же там сказано именно на заданную тему. Конечно, придётся чувствовать себя дураком. И на вопрос экзаменатора я не отвечу. Зато он не сможет утверждать, что я не читал статьи Ленина. Значит, двойки уже не будет.

Практическое упражнение по этому методу не состоялось. Экзаменатор, не утруждая ни себя, ни меня, довольно быстро отпустил меня с тройкой. Так что схему беседы, при которой произносятся правильные слова, не отвечающие на заданные вопросы, я усвоил только в теории. Всё же я был горд новым знанием, пока не обнаружил намного позже, что ведение такой беседы является обычным навыком политика.

Самые запуганные

Теперь, когда мои отношения с комсомолом никакой роли уже не играли, я отозвался на повторное приглашение комитета комсомола. Как и в первый раз, для решения вопроса о моём исключении было созвано собрание. Всё было решено довольно быстро, без лишних обсуждений, только в конце я зачем-то решил оказать сопротивление, видимо, по привычке. Я вытащил какой-то документ, наверно, мамину жалобу в КГБ, и направился к секретарю, чтобы вручить его. Тот отреагировал очень резко и отказался даже смотреть что-либо, когда всё уже решено. Это, пожалуй, было вполне логично. Намного менее логично выглядела окончательная формулировка причины исключения: “За участие в религиозном обряде и отсутствие общественной работы”. Очевидно, они там не были уверены ни в чём и подстраховывались со всех сторон.

Неистребимая наивность

Поскольку из университета меня не выгнали, моё распределение неожиданно вступило в силу. Августовским утром я явился в отдел кадров Кардиоцентра, имея на руках соответствующее направление.

Начальник был удивлён но играл умело. Прежде всего, своё крайнее удивление он истолковал в том смысле, что не понимает, какой отдел Кардиоцентра мог подать заявку на мехмат. “Наверно, такой-то” — притворно прикинул он. Его удивление было очевидным враньём, но за неимением лучшего, я всё же пошёл искать указанный им отдел. Этим отделом оказалась бухгалтерия. Поняв, что надо мной издеваются, я ушёл домой. В конце концов, это теперь его проблема, куда меня пристроить — так, по наивности, думал я.

Как мы договорились, я вернулся в отдел кадров Кардиоцентра через неделю. Ещё из коридора было слышно, что начальник говорит с кем-то по телефону, поэтому я не вошёл, а остался подождать в коридоре. Неожиданно, по громко доносившимся до меня обрывкам фраз, я понял, что случайно подошёл как раз, когда речь шла обо мне.

Начальник отдела кадров объяснял собеседнику свои затруднения. “... И вот, прислали нам с Ближнего Востока.”— кричал он в трубку. Я оценил эвфемизм. Из дальнейшего я понял только, что на том конце провода находится кто-то вышестоящий. “Значит, пересылаем к вам.” — завершил разговор начальник.

Я вошёл в кабинет. Кадровик рассказал, что, несмотря на все поиски, так и не смог найти отдел, которому мог бы понадобиться выпускник мехмата. Ложь была настолько прозрачна, что воспринималась, как форма вежливости. К тому же, она никак не освобождала его от необходимости моего трудоустройства. Оказалось, однако, что у него есть другие средства освободиться от этой обязанности. Вопреки моим представлениям, Распределение было обязательным не для организации, а для её министерства, поэтому, с согласия последнего, организация могла отказаться меня принять. Об этом, очевидно, кадровик и договаривался, когда я подошёл.

Он вручил мне письмо, адресованное Академии Медицинских Наук, которой подчинялся Кардиоцентр, для нового распределения. Удивительно: мне не довелось услышать от этого человека ничего, кроме наглой лжи и издевательства, и всё-таки я поверил. Поверил, что держу в руках документ, имеющий отношение к моему трудоустройству. Неужели я ничему не научился за эти полгода?

Отрезвление наступило быстро. Чиновник отдела кадров Академии Медицинских Наук сообщил, что никуда меня устраивать не собирается, и вообще не понимает, зачем я пришёл, ведь распределили меня не к нему. Что делать с письмом из Кардиоцентра (написанным, вероятно, по его подсказке), он не знает.

Я вышел на улицу. Бумаги об отказе в трудоустройстве я не получил, поэтому послать всех этих чиновников и начать собственные поиски работы я не могу. Куда же идти теперь? Ответ, для внимательного читателя, упомянут выше: в министерство, то есть в Минздрав. Этот ответ был очевиден всем чиновникам, с которыми я имел дело, только мне они его не скажут. Зато чиновник Минздрава, которому я позвонил, занялся мной немедленно, и безо всякого письма из Кардиоцентра.

Какое-то время этот чиновник делал вид, что ищет мне работу, а я делал вид, что в этом нуждаюсь. Но когда я нашёл себе работу, он немедленно выписал нужную для этого бумагу, и мы расстались к взаимному удовлетворению.